

Иван Александрович Вырыпаев

**Сентенции Пантелея
Карманова**

Иван Александрович Вырыпаев

Сентенции Пантелея

Карманова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157213

Аннотация

«Сентенции Пантелея Карманова» (2001) Ивана Вырыпаева – одно из немногих произведений, написанных знаменитым драматургом в прозе. Однако и в прозе Вырыпаев остается верен себе, сохраняя свой неповторимый стиль. Пример тому – первая же сентенция в книге: «Поразительно! Человек рождается и первое, что он получает – это бирку на запястье. А когда человек умирает, он получает бирку на большой палец правой ноги. Таким образом, жизнь человека – это отрезок времени от бирки до бирки...»

Содержание

Сентенция 1.	5
Сентенция 2.	6
Сентенция 3.	7
Сентенция 4.	8
Сентенция 5.	9
Сентенция 6.	10
Сентенция 7.	13
Сентенция 8.	15
Сентенция 9.	16
Сентенция 10.	18
Сентенция 11.	19
Сентенция 12.	21
Сентенция 13.	23
Сентенция 14.	25
Сентенция 15.	28
Сентенция 16.	31
Сентенция 17.	33

ван Александрович Вырыпаев

Сентенции Пантелея

Карманова

Посвящается моему сыну Гене

Отрывок из дневника

Мне двадцать лет. Меня зовут Пантелей Карманов. Мне приснился сон. Во сне какая-то женщина сообщила, что я умру в тридцать один год, в свой день рождения – тридцать первого декабря, за тридцать одну минуту до наступления нового года. Потом мне гадали на картах, и выпало тоже самое. Потом, гадали на каких-то орехах – все совпало. Теперь я знаю, что через одиннадцать лет меня не станет. А что будет дальше мне неизвестно. Это вопрос.

Отрывок из дневника

...я иду по улице и по парку, и еще где-нибудь, а мысли то все равно рождаются у меня в голове. Я думаю: «Господи!» – вот, что я думаю. Иду по улице, а мысли рождаются. «Господи!» – каждую секунду думаю я.

Сентенция 1.

От бирки до бирки.

Поразительно! Человек рождается и первое, что он получает – это бирку на запястье. А когда человек умирает, он получает бирку на большой палец правой ноги. Таким образом, жизнь человека – это отрезок времени от бирки до бирки.

Отрывок из дневника

Мне двадцать один год. Весна. В метро залетел воробей. Группа из Англии восхищается станцией «Площадь революции». Я вспомнил. Я еду на эскалаторе. Я вспоминаю всякую ерунду...

Сентенция 2.

Из воспоминаний лейтенанта.

У нас один часовой был, который всегда спал на посту. Мы сперва его отругали, – не спи на посту, – но он спал. Потом мы ему дали два наряда, – не спи на посту. Потом мы его лишили увольнения, – не спи на посту. Потом мы его избили, – не спи на посту. Потом мы его убили, – не спи на посту, – но он все равно спал, и до сих пор продолжает спать.

Сентенция 3.

Дубы.

Я люблю деревья: и рябину, и тополь, и сосну я тоже люблю, и даже осину я тоже,..... но вот дуб не могу понять. И главное, у нас в Сибири почти нет этих дубов, но от этого я не стал их больше любить, а наоборот...

И вот встал перед фактом в Москве, в дубовой роще..... и негде было ночевать, а вокруг дубы. И я тогда сразу их полюбил, полюбил и уснул. И до сих пор сплю. Но ведь когда-нибудь я проснусь и не знаю, сохранится ли моя любовь? Говорят: дубы вечны, а любовь проходящая.

Сентенция 4. Чертово колесо.

Оно в парке. Люди кружатся, кружатся как безумные. А колесо не зря называют «Чертовым», черт его выдумал. Черт выдумал колесо. Только на «чертовом колесе» и чувствуешь себя свободным. Кружишься, кружишься, и счастлив! Потому что черт – это свобода, потому что свобода – это колесо.

И от этой мысли делается так красиво! «Чертово колесо» – это когда ты секунду в городе, а через несколько секунд над ним. И это свобода, и это выбор. Каждый может выбрать, где ему лучше: в городе или над ним.

Отрывок из дневника

...как часто я встречаюсь со своим другом Константином С.? Очень редко. Когда нам обоим исполнилось по двадцать два, мы стояли у витрин, смотрели на себя в отражении.... А друг мой потом уехал очень далеко. Совсем уехал. Я пишу письмо.

Сентенция 5.

Письмо Косте.

Костя, я люблю. И сейчас я перечислю предметы моей любви. Я люблю: спички, сухие деревья, запах бензина, степь, пылесос «Юпитер», сырок «Дружба», маму, люблю счастье и красивые фотографии, люблю Соню и слово «транзистор», и слово «бодаться», люблю Родину и не стесняюсь своего чувства, люблю водку, уху, девушек с тонкими пальцами, сына и его мать, музыку Моцарта и Вивальди, кефир и приключения... Но, Костя, моя любовь не взаимна. Из всего перечисленного меня любят все: Моцарт от меня без ума, спички меня обожают, транзистор и тот, по мне сохнет. Но меня, увы, не любят ни Соня, ни Родина.

Сентенция 6.

Список влюбленных.

Мой дед задохнулся от астмы в деревне под Омском. А его вторая жена, моя бабушка, умерла от того что, упала с табуретки и отбила себе копчик. Но моя мама уверяет, что все это было колдовство любви.

А у моего друга Ильи Антонова, восьмидесятилетний де-душка, приревновав свою старуху к соседу, разбил ей об голову телефонный аппарат, а потом подал на развод. Теперь они выясняют свои отношения на небесах. А одна старушка (писали в газетах), отравила своего возлюбленного пятидесяти восьми лет, за то, что когда они поженились, ей было тридцать четыре, а ему двадцать два, а теперь он на двенадцать лет ее моложе. А во дворе моего сына и его матери, на скамейках по-прежнему сидят старушки и зимой у них, также как и шестьдесят лет назад, на ресницах лежит снег, и им до сих пор пора замуж. А когда у моей молодой соседки умер ее молодой муж, то она утопила в тазу щенка, купленного за неделю до смерти мужа.

Все это происходит не потому, что «любви все возрасты покорны», а как раз наоборот – потому что любви все возрасты абсолютно не покорны. Все сопротивляются любви, как только могут. Кто палит в любовь из двухстволки, кто пы-

ряет ее ножом, кто разбивает об голову пылесос и т.д. Константин Сергеевич Белов из Серпухова, поступил со своей женой наиболее жестоким способом – взял да и перестал с ней встречаться, так что ей пришлось даже забеременеть от другого человека. А больная СПИДом Марина В. из Иркутска, закинув невод в третий раз, поймала рыбу из золота, и загадала три желания про любовь. Теперь она и купчиха, и царица, и владычица морская на двух метровой глубине смоленского кладбища.

Продолжая список влюбленных, хочется отметить кочегара Дмитрия Инокентьевича Пологова, работника котельной свердловского района г. Черемхова. Он сжег в топке свою девятнадцати летнюю жену, а сотни жильцов в окрестных домах грелись от хорошо натопленных батарей. Огню она была предана за то, что слишком рано потеряла молодость и красоту, ведь буквально год назад Дмитрий Инокентьевич разрезал ей щеку бритвой, чтобы уберечь ее «блядскую породу» от взглядов посторонних мужиков.

Любви не покорны никакие возрасты. Мой знакомый священник тридцатилетний отец Сергей из Новосибирска, не дожив до столетнего юбилея семьдесят лет, поступил с предметом любви следующим образом: когда ему было двадцать, он без памяти влюбился в шестнадцатилетнюю Веру Горычеву, сделал ее беременной и заставил выйти за него замуж, после чего тут же принял сан, и на протяжении всей их совместной жизни требовал, чтобы она любила его, какой то совсем

уж божественной любовью, в которую входило терпеть уклад его жизни, не заниматься любовью в пост, ходить на службы и ни в коем случае не изменять. А когда эта Вера, однажды, взяла да и сбежала от него, с кибернетиком из академгородка, он настиг беглянку и сперва, уронил ее с табуретки, так что она отбила себе копчик, потом разбил ей об голову телефон и подал на развод, после этого накормил ее ядовитыми таблетками, выстрелил в нее из двухстволки, пырнул ножом и, наконец, сжег в топке котельной свердловского района города Черемхова. А на ее могильной плите он цинично написал: « У попа была собака, поп ее любил».

Впрочем, на этом список влюбленных не заканчивается, ведь наши дети подрастают.

Отрывок из дневника

Когда мы были еще студентами, то подписывали свои письма именами великих людей.... Год назад, когда мне исполнилось двадцать три, я тогда еще жил в своем родном городе, мне пришло письмо от своего друга Ильи, следующего содержания: «Здравствуй, Пантелей. Надеюсь, что ты мне ответишь. Это очень важно. Аня ушла к Перевееву. Он талантливей меня. А я нашел себе такую суку, что самому страшно. Твой друг, Александр Вертинский. (из письма Ильи Антонова)

Сентенция 7. Письмо Илье.

Здравствуй, Илья.

Честно говоря на месте Анны я бы тоже так поступил. Прости. А вот как я бы поступил на твоём месте: перво на перво я бы после окончания школы поехал бы в Иркутск и стал бы учиться в училище искусств, там я бы полюбил свою однокурсницу Веру Холодную; закончил бы училище, женился на Вере и уехал в Москву, где поступил бы в консерваторию им. Гнесина, а Вера осталась бы в Иркутске и ждала бы меня два года, сохраняя супружескую верность, но, наконец и она перебралась бы в Москву, бросив интересную работу, только чтобы быть возле меня; однако, жить в моем общежитии ей бы не разрешили, поэтому она поселилась бы в другом месте – в городе Химки; и мы бы очень редко встречались с ней, и при встречах я частенько бывал бы пьяненьким и говорил ей разные глупости; тогда Вера поняла бы, что ждать от меня больше нечего и ушла бы к актеру Перевееву не потому что он талантливей меня (хотя он действительно очень талантлив), а потому что он хороший человек; тогда я бы нашел себе такую суку, что самому стало бы страшно; и вот последнее, что я бы сделал, это написал письмо своему другу (то есть мне), где обо всем бы рассказал в двух

словах. Так я поступил бы на твоём месте. Но, увы, я на своём месте, и я поступил несколько иначе: после школы я стал учиться в иркутском медицинском училище, там я полюбил свою однокурсницу Соню Мармеладову и женился на ней, и у нас родился сын, и мы прожили вместе шесть ужасных и прекрасных лет; я съездил в Москву и поступил в один технический ВУЗ на заочное отделение; с женой своей Соней я обходился очень плохо, небрежно, потому что мне известны две главных тайны, первая: жизнь бессмысленна и нет никакой разницы как обходиться с тем или иным человеком, вторую тайну сообщу в конце письма; вскоре Соня ушла от меня к другому, очень хорошему человеку, а я отправился на поиски «страшных сук», но, увы, мне попадались только святые ангелы; а в один прекрасный день я получил от тебя письмо в котором и т.д.... А сейчас я открою тебе вторую тайну, вот она: красота спасет мир! Твой друг, Федор Достоевский.

Сентенция 8.

Диковинные сны.

Одному моему другу на войне пуля попала прямо в глаз. И он естественно умер. Он умер и ему приснился сон: как будто разные диковинные животные пришли к нему поиграть. Там были и жирафы со стремянками вместо шеи, и слоны с яблоками вместо ног, и пингвины похожие на ветряные мельницы, и ярко-красные кенгуру, и много других необычных созданий. И они принесли огромный цветной мяч и стали его передавать по кругу, когда же очередь дошла до моего друга, он вдруг на несколько минут ожил и стал рассказывать свой сон медсестре (правда она подумала, что он бредит), а когда рассказал, то снова умер и больше уже не оживал. Так что его положили в гроб и закопали в землю. А когда я прихожу к нему на могилу, то всегда думаю – что вот здесь, на двух метровой глубине лежит мой приятель и ему снятся диковинные сны.

Сентенция 9.

Явление приятеля во всей красе

Мой приятель умер и явился ко мне во всей красе. Явился, похожий на статую командора. И между нами состоялась следующая банальная беседа:

Приятель. А мир то конечен.

Я. Да, я читал об этом у Розанова.

Приятель. А мир то бесконечен.

Я. Да, я читал об этом у Достоевского.

Приятель. А жизнь то бесполезна.

Я. Да, я читал у Беккета.

Приятель. А любовь то проходит.

Я. Читал у Толстого. Стоило ли умирать, чтобы понять эти истины.

И тут моего приятеля просто прорвало, он начал выступать:

Приятель. Скандальить! Вот в чем смысл бытия. Везде и повсюду скандальить! Врать друзьям и предавать учителей. Изменять жене и клясться в любви не любимой женщине. Исцарапать лакированное покрытие письменного стола в доме родителей. Разбить витрину спортивного магазина и на-

давать пощечин своей любимой. Жить только для себя и ревновать чужих жен к их мужьям. Пить алкоголь и сквернословить при детях. Хамить старикам и считать себя умнее других. Оскорблять бритоголовых парней на улице и быть избитым ими до смерти. Умереть и продолжать скандал!....

На этом дар красноречия у моего приятеля иссяк. Он подошел ко мне и протянул свою белую, гипсовую руку. Я небрежно пожал ее.

Сганарель. Ах, мое жалованье, мое жалованье! Его смертью все удовлетворены: оскорбленное небо, поруганные законы, соблазненные девушки, обесчещенные семьи, опозоренные родители, обиженные женщины, доведенные до отчаяния мужья – все на свете довольны. Только я один остался несчастным. Мое жалованье! Мое жалованье! Мое жалованье! (Ж.Б. Мольер «Дон Жуан» монолог Сганареля)

Отрывок из дневника

Ровно год назад, день в день я справлял свое двадцати пятилетие... Я все понимал, все... Я многое вижу, мне нравятся современная музыка и рекламные плакаты. Я – мне нравлюсь.

Сентенция 10.

Пальто, снег.

У меня есть глаза, это все знают. Но у меня нет чего-то привлекательного. У одного моего приятеля не было глаз, он их потерял еще в пятом классе, при несчастном случае. Но у него было столько всего привлекательного, что хотелось завидовать. Во-первых, у него было очень старомодное пальто. Во-вторых, у него всегда был снег. Всегда. И летом, и зимой, и осенью, и т.д. Он его держал в морозильной камере, этот снег. И никогда он не пользовался водой из под крана, чтобы сварить кофе. Ему нравилось топить снег в «турке». Он говорил: «Будем пить кофе из снега». И пальто его тоже было привлекательным – старое, зеленое, в нем он был похож на декабриста вынутого из петли.

Я завидую! У меня есть глаза и я вижу. У меня есть холодильник и я тоже могу держать там снег. И пальто я могу где-нибудь достать. И я смотрю фильмы Кустурицы, но я не умею делать вещи привлекательными. Это подвластно только людям без глаз. Я могу, лишь, говорить: «Снег и пальто». Я могу видеть эти вещи. А мой приятель их имеет, имеет внутри себя, имеет старомодное пальто и снег в морозильной камере.

Сентенция 11.

Я прекрасен.

Вот. Я прекрасен. У меня тонкие пальцы и красивое кольцо из серебра. У меня вкус и талант. Я умею варить камчатскую уху и неплохо пью спиртное. Я упал и испачкал пальто. Я забыл шапку в автобусе и я не умею чинить водопроводный кран. И я не умею делать полки для книг. Я не любим любимой и другой любимой я тоже не любим. Я хочу, чтобы все российские войска вступили в НАТО, я готов помогать этому процессу. Если бы я знал хоть какой-нибудь государственный секрет, я бы его всем рассказал – я не люблю чужие секреты, только свои. Но когда я вижу предателя, мне хочется ему нагрубить, потому что ОН не Я.

У меня дома была тарелка и яблоко, я катал яблоко по тарелке и приговаривал: «Кто прекрасен? кто прекрасен?». А голос тарелки или яблока, или еще чей-то, какого-нибудь волшебника, мне отвечал: «Ты прекрасен, спору нет! Ты прекрасней всех на свете. . . .но вот, Саша Милькин из Новосибирска пишет гораздо талантливее тебя, а Андрей Шагин из Москвы ставит спектакли интереснее твоих, а Богу вообще наплевать, что ты про него думаешь, и в аду тебя никто не ждет, а рая не существует и т.д.». И вот тогда я разбил тарелку, а яблоко разрезал на куски и посыпал ядом. И один

кусочек отправил Саше Милькину из Новосибирска, другой Андрею Шагину из Москвы, третий...и т.д.

Теперь все они отравились, умерли и лежат в стеклянных гробах. А я спрашиваю у солнца: « Не видело ли ты, где лежит Саша Милькин, я иду его будить горячими поцелуями? Не видело ли ты, Андрея Шагина, я иду его будить? Не видело ли ты?... и т.д.».

Я один остался, самый прекрасный из всех. Потому что все лежат в стеклянных гробах. А стеклянный гроб – это часы. Обыкновенные часы – стекло, а под ним время. Стекло, а под ним Саша Милькин, Андрей Шагин и т.д.

Отрывок из дневника

*...вижу цветы – смысла нет. Вижу, ловлю рыб нет мыс-
ла.Поймал – нет. Вчера мне было двадцать шесть, сегодня
двадцать семь, завтра двадцать восемь – вижу цветы, рыб,
смысл... В двадцать восемь лет вижу смысл и вижу, что
его нет.*

Сентенция 12. Вино из совсем других одуванчиков.

Этот рассказ о человеке с удивительной судьбой. С самого рождения он смотрел миру прямо в глаза, он был очень передовым, таким как Герцен или Белинский, или Гоголь, или еще кто-нибудь из НИХ. Хотя по профессии он был простой охранник автостоянки. И образование он получил ни бог весть какое – 8 классов да техникум физической культуры. Но в душе он был большой художник и даже неплохо рисовал. И вот, так случилось, что однажды он выпил много горького вина из одуванчиков. Голова у него закружилась, и решил он убить собственную жену, за то, что она не приготовила ужин, за ее нетерпеливый характер и за то, что она полюбила другого человека. Так он и сделал – заколол ее куском стальной проволоки. Потом он естественно сел в тюрьму (в колонию строго режима) и т.п. Но вот в тюрьме ему удалось раздобыть кисточку, краски, бумагу и нарисовать картину про горы и лес.

А дальше эта картина попала на конкурс среди исправительно-трудовых колоний. Конкурс назывался «Саяны». И там картина его заняла первое место и, даже местное телевидение сняло про него сюжет. Так сбылась мечта этого че-

ловека стать художником.

А я смотрю на него и думаю, – вот бы и мне выпить этого волшебного вина и выиграть конкурс.

Отрывок из дневника

В мой день рождения (29 лет), мне подарили книгу с пьесами Чехова. Перечитываю текст. Монолог Астрова из «Дяди Вани»: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.» Ерунда!

Сентенция 13.

Ужасные мысли.

Я знал одного человека, у которого было такое некрасивое лицо, что даже таксисты отказывались его подвозить. А одевался он, как настоящий демон: носил не глаженную рубашку, на штанах были какие-то масляные пятна. А если говорить про душу, то там был камень. Камень в душе. Но вот мысли у него были весьма интересные, может быть от того, что Герцен являлся его главным кумиром. Например, он думал так: скрипка это волшебный инструмент, при звуках скрипки текут внутренние слезы, то есть такие слезы, которые текут не снаружи, а внутри, человек плачет и капли стекают по позвоночнику и по ребрам, размывают сердце. И еще он думал: симфонии мира великолепны. Они будят воображение и навивают летаргические сны, так что человек даже не знает умер он или спит. Также он думал о философии, ему казалось, что ум это шар, на этом строились его доказательства, что земля круглая как глобус. Но повторяю, внешне это был полный урод. Лысый, маленький, горбатый, с обезьяним черепом к тому же еще и глухой. Он писал симфонии, но на вопрос: «Ты меня любишь?», всегда отвечал: «Что?» и непонимающе улыбался. И вот однажды, я высказал мнение, что он чем-то похож сразу на многих великих людей: и на Па-

ганини, и на Сократа, и на Бетховена, и еще на кого-то. И только я обнаружил это сходство, как моя жизнь резко изменилась. Теперь в каждом грязном и унылом человеке, валяющемся у подъезда, я готов видеть и Паганини, и Сократа, и Бетховена, и им подобных. Из-за этого мне пришлось всех людей принимать такими, какими они есть. Ведь я же не знаю, кто лежит передо мной в весенней луже, может быть это Сократ развалился. Так что я вступаю в спор с пьяным Астровым. В человеке должно быть все ужасно: и лицо, и одежда, и душа, и даже мысли. Потому что самые ужасные мысли часто бывают самыми прекрасными.

Отрывок из дневника

...а десять лет назад мне было двадцать, значит по предсказанию через год я как-то умру... Через два года заканчиваю заочное отделение политехнического института – странные факты.

Сентенция 14.

Кант, инвалид, любовь.

Вот, я ехал в поезде и штудировал Канта «Критику чистого разума». Не потому что я такой эстет или склонен к «пофилософствовать» и не потому что заважничал, а просто мне нужно было готовиться к экзамену по философии. У меня преподаватель женщина, считающая себя любовницей Юнга, Юма, Гегеля, Канта и еще одного профессора нашего института Штрагеля Иосифа Давыдовича. И она уверена, что они все тоже от нее без ума, а отсюда и ргіогі вытекает, что и мы должны быть от них в восторге. Так вот, я читал Канта лежа на верхней полке, а подо мной на нижней ехал какой-то инвалид без ноги. Я, кстати, впервые осознал, что слово «инвалид» может распространяться и на молодых людей. Раньше, когда произносили «инвалид» я всегда представлял себе старого, грязного ветерана с унылыми глазами, да ведь так в большинстве случаев и бывает. Но оказывается, что, вот и молодая девушка с трепещущими сосками тоже инвалид, потому что у нее порок сердца. И инвалиду на первой полке подо мной на вид было всего лет тридцать.

А напротив него ехал настоящий, живой сектант проповедующий «не унывать» и у них шел спор. А оказалось, что главным, ключевым словом инвалида являлось слово-тер-

мин « не уверен».

– Жизнь дана как испытание, – говорил оптимист сектант.

– Не уверен, – отвечал инвалид.

– Но вы же не отрицаете, что существует физическая смерть?

– Не отрицаю, но не уверен до конца.

И далее следовал такой диалог:

Сектант. Ну, а что перед вами чай в стакане, вы уверены?

Инвалид. Не совсем.

Сектант. А вы попробуйте.

Инвалид. Я не хочу пить.

Потом из их разговора я узнал, что веру во чтобы-то ни было инвалид потерял от сильного чувства любви к женщине. У него, оказывается, была жена, которую он как-то совсем уж безумно любил, а она любила его обыкновенно. Инвалид считал это равнодушием и бил посуду об стены в кухне, давал жене пощечины, словом, делал все, чтобы заставить ее беситься так же как он. Но она была спокойной и рассудительной женщиной, а еще, к сожалению, удивительно прекрасной и его это тоже очень выводило из себя. И тогда инвалид (а в то время он еще не был инвалидом) взял штопор и выколол своей любви глаз. Взял и выколол, чтобы взбесилась. Но она не взбесилась, а упала в обморок, и потом

ее увезли на скорой помощи. Впрочем, в суд она не подала, но и жить таким мужем больше не стала. Тогда, страдая от горя и страха, он взял и засунул ногу под трамвай, то есть стал инвалидом на всю жизнь. И теперь уже ни в чем не был уверен.

А вот я еду в поезде на верхней полке, читаю Канта: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних, наглядных представлений. Никоим образом нельзя себе представить, что пространства нет, между тем как нетрудно представить себе, что в нем нет никаких предметов». Я читаю Канта и думаю о своей жене. Неужели я тоже мог бы схватить со стола штопор любви и сделать ее циклопом, неужели я тоже способен любить? Закрывая книгу Канта, я говорю сам себе: «не уверен».

Сентенция 15.

Три дворника.

Три дворника, как «Три грации» явились ко мне с вопросом – кто из них самый прекрасный? Причем, все они явились ко мне в разных ипостасях: первый дворник возник у меня в воображении, второго я увидел на картине грузинского художника Пиросмани, а третий подметал улицу под моим окном. Тот, что в воображении, сразу стал меня умолять отдать ему предпочтение: «Я ведь хорош, еб твою... я ведь нестандартный. У меня же, знаешь, какой взгляд?» – кричал он. И я вдруг, действительно вспомнил, что когда мой дед умер, мы с мамой пошли его навестить, а перед самым подъездом мне стало страшно увидеть мертвеца, мертвецов я в детстве очень боялся и мама, пожалев меня, разрешила не ходить. В тот же миг из подъезда вышел дворник с метлой, он почему то с такой грустью посмотрел на меня, что я заплакал, мне деда стало жаль, что он умер.

А детские слезы это ведь, фотографии, которые потом просматриваешь в своем мозгу и над смешными плачешь, а над грустными смеешься. Если вспоминаешь, как в детстве было хорошо, то сразу же становится плохо. А дворника того, я запомнил на всю жизнь, он навсегда поселился в моем воображении. Теперь вот, еще и требует назвать его са-

мым прекрасным из всех трех. Хотя если честно, то второй дворник мне больше по душе. Он смотрит на меня с картины любимого художника, и я понимаю, что это я сам нарисовал и «Дворника», и «Шарманщика», и «Старый фуникулер в Тифлисе». Пиросмани – это я. Хотя какая разница, кто Пиросмани. Вон моя соседка, тоже была Пиросмани – была, была, а потом свалилась с табуретки, отбила копчик и сплыла. Пиросмани, Пикассо, Брейгелем может быть кто угодно, для этого вовсе не обязательно уметь рисовать. Просто подходишь к картине и смотришь, и понимаешь, что это ТЫ. Поэтому мне ничего не стоило отдать предпочтение второму дворнику, тем более, что он вслух никогда, ничего не говорит. Просто ходит за мной попятам и угрюмо смотрит, и все. И все. Третий дворник мне меньше всех нравится. Матерится с самого раннего утра. Ест ранетки с земли. У него наверняка глисты в животе. Правда человек с глистами внутри, тоже может быть прекрасным, прекрасным для своей матери, например.

Словом, три дворника явились ко мне, как три грации к Парису и требуют ответа. Они мне напоминают икону «Троица», там тоже три ангела сидят и смотрят. И все хороши. Никого нельзя выделить. Пусть лучше дворники за столом сидят и крыльями размахивают. Только бы отстали от меня. А то ложишься спать, закрываешь глаза, а там эти дворники: «Кто из нас самый красивый?» – спрашивают. И щекочут метлами.

Отрывок из дневника

Сегодня тридцать первое декабря. Мне тридцать один год.

Сентенция 16.

Река, лошадь.

Один мой приятель был жив. Не в том смысле, что все умерли, а просто у меня был только один приятель, а остальные приходились мне дальними знакомыми. Так вот, этот приятель был очень хорошим человеком, он очень много сделал для меня. Помогал мне деньгами, поддерживал морально, дарил подарки и купил мне пальто. Но к сожалению, я не мог отплатить ему тем же. Я подолгу не звонил, забывал поздравить с днем рождения, частенько его обманывал, причем без всякой причины, просто скрывал правду, да и все. Но он все равно продолжал меня любить, тем более, что приятель этот приходился мне родным отцом. Правда, один раз и он сказал мне неправду, и с этого момента начались наши разногласия.

Однажды, когда мне было шесть лет, мы отправились на реку. Она была очень красива – река. Я смотрел. И вдруг, к нам подошла лошадь. Так близко, что можно было дотронуться. «Смотри, какая красивая лошадь!» – сказал отец. А лошадь то была некрасивая, она была обыкновенная. Отец меня обманул. Впрочем, многие люди пускаются в подобный обман, когда говорят: «Смотрите, какая девочка! – или – какие рисунки у нашего Вити!» – а девочка никакая, просто

девочка, да и все. И рисунки у Вити очень плохие, разве это рисунки? Но мне то нет дела до всех, а вот на отца я тогда обиделся, ведь это был мой единственный друг, ну, а теперь мы приятели.

Сентенция 17. Для главного.

Сын – это для главного. И дочь, для главного. И то, что тебе пожилая женщина в метро улыбается, тоже, для главного. И собаку бьешь, и матери не звонишь по неделям, жене изменяешь, только для главного. А на станции я видел пьяную, молодую девушку, которая плакала о главном, не просто же так. И богатого банкира убили, для главного. И проститутку кинули на бабки, только из-за этого. Пацаны, для главного, разбивают носы друг другу, девчонки глотают бабушкино снотворное, в надежде, что успеют откачать. Для главного стареют старики, и младенцы появляются на свет. Для главного составы пускают под откос, и произносят нежные слова в адрес любого человека. Сын моей знакомой семь лет пускал героин по своим венам, а мать его, все эти годы, все равно была ему матерью – и все это, для главного. Как и царапины на руках, как и бессонница, как и матерные слова на гаражах, как и любовь. Любовь всегда, для главного.

Один раз, я целый месяц любил нелюбимую, а любимую не любил. Все в мире, для главного: закат на Байкале, священник гомосексуалист, Юля из Иркутска, ложь, кусты мадрихуаны, совесть, красная брусника, смерть...

А моя мать, один раз, спросила меня: «Что же для тебя

самое главное, сын?»». Тоже что и для тебя – ответил я.

Отрывок из дневника

Первое сентября. Мой сын идет в первый класс. Мы ему купили новый костюм, ранец, книжки, букет цветов для учительницы и пошли его провожать. Идем втроем по осенним улицам, пинаем листья – жена, сын и я. Мне тридцать два года. Это ответ.